

**№ 93. ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ
(ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЫН)**

- А когда была столица в Нове — городе,
А тогда царствовал Грозный царь Иван Васильевич
А собрал ли ён, Грозной, поцестной пир.
А приежжали ли дорогú гостú:
5. А сильнии, могущии богатыри,
А ведь князья тыи да из Кúева,
А ведь из Кúева, из Цернигова;
А наедались все, напивались,
А ведь вси — то на перу порасфастались:
10. А ведь как сам — то Грозный царь Иван Васильевич,
А ён и сам, Грозной, хвáста, сам хвалитсе,
А ён, Грозный, сам нахваляйтсе.
— «А ведь повыведу изменушку я с Кúева,
А ведь повыведу измену я с Цернигова,
15. А ведь с Казани, из Острóкани!»
И оправлял своих грозных цяревицей,
А ведь и Федора и Митрия Ивановичей,
А чтоб ёны вывели изменушку из Кúева,
А ведь повывели измену из Цернигова,
20. Как повывели измену с Новá — городá,
А ведь с Казани — то ли, с Рязани, из Острóкани,
А еще ехали к матушки каменной Москвы.
А ведь и старшой брат Митрий — то ли Ивановичь,
А ён писал — то письмо скорописьцятó:
25. — «Ай же вы, мужицьки да вы ведь московьскии,
Вы спускайтесь с теремов вы ведь высокиих,
А обрежайтесь в погреба вы глубокии!
А јúдет царьской сын Федор — то видь Ивановичь,
А хочет вывести измену с каменной Москвы!»
30. А приежжал в Москву Федор — то видь Ивановичь,
А не нашол ли ён в Москвы никого — то ведь.
А ехали ко Грозному да ко батюшку.
А Грозный ён царь да Иван Васильевич
А тот да с радостей собирал поцестной пир.
35. А тут на пиру да перед гостем дорогийим — то,
А тут при ём Грозной пуще сам хвалитсе,
Еще хвастался сам Грозный да нахваляйтсе.

- А ён же, Грозной: «Я изменушку из Кіёва повыведу!
А ведь повывел я измену из Цернигова,
40. А ведь повывел я измену из Новá — городá,
А повывел я с Казани, из Рязани, из Острókани!
А повывел — то измену с каменнóй Москвы,
А еще вывел Федор Ивановичь!»
А говорил тут Федор: «Государь ты мой батюшко!
45. А хоть мы вывели изменушку из Кіёва,
А хоть мы вывели измену из Цернигова,
А мы с Казани, Рязани, из Вострókани,
А не повывести нам измены с каменнóй Москвы!»
А тут ли Грозный цярь да Иван Васильевичь,
50. А ён с подлòбья да выглядывал:
— «Ящё ты, Федор Ивановичь,
А ты скажи — ко мне про изменьщика!
А ведь не скажешь мне про изменьщика,
А то срублю я тебе буйную голову!»
55. А тут Федор — то ведь Ивановичь,
А он вздохнул — то ли сам тяжелёшенько:
— Ах ты мне — ко ли тошнёшенько!
А если мне сказать про изменьщика,
То не на князя сказать, на боярина,
60. А на тую ли мне господьскую холопину,
А сказать на своего на братца на родимого,
А ведь на цяревича на Митрия Ивановичя!
А ведь государь ты наш тятенька,
А с нами же измена за столом сидит,
65. А с нами измена сидит, кушает.
А ведь мы ехали ко матушки к каменнóй Москвы,
А ведь старшой брат, Митрий Ивановичь,
А ведь ён писал ли письмо скорописьцятó:
«Ай же мужицьки вы москоськии,
70. А вы спускайтесь с теремов вы высокиих,
Обряжайтесь в погрёбá вы глубокии!»
И тут же Грозный цярь да Иван Васильевичь
Отдавал приказ на плаху на кровавую,
А он на тую ли на казнъ смертную,
75. А отводил Митрия Ивановичя
А ведь на тую на плаху на кровавую,
А ён на тую ли на казнъ на смертную.
А вси — то палачи перепáлисе,

- А вси—то палачи розъежжалисе,
80. А во своих домах палачи—ты не сказались,
А ведь один палач нашолсе, нахв́алилсе
А в том ли во ряду во гост́инном, —
А во тых лавоцьках во торговых, —
А молодой Малютка ведь Скрылатовиць;
85. А подогнал коретушку тёмную,
А ведь корету—то да он чорную,
А посадил ён Митрия Ивановича,
А ведь повез на казнь на смертную
А отрубить Митрию буйну голову.

408

90. А ведь его ли родная матушка
А ведь бежала на босú ногú без цёботов,
А ведь без цёботов бежала она цёрных,
А видь без цюлóциков она без шелкóвых
А ведь к своему братцю ко родимому,
95. А ко Микиту ли ко Романовицю;
А отворяла дверь—ту дубовую
А она на петелках на шелковых,
И говорил Микита Романовиць:
— «А ведь и слава да слава господу,
100. А самому царю да небесному!
А статья гостя в гости звать, — не вызвати,
А статья гостя в гости ждать, — да не дóждати.
А пришла—ко гостийка незваная,
А ведь незваная да гостийка нежданая,
105. А только гостийка пришла неубра́ная!»
А отвецяла ли государыня:
— «А братец мой родимой Микита Романовиць!
А я не в гости пришла, не гостить пришла,
А на святой ли то на Руси, на Россиюшки
110. А по вора́м ли да по разбойникам
А много есь заступщиков, есь пецальщиков,
А по нашою по братию по цярьскою
А нету заступщиков, ни пицьяльщиков,
А никого нет постояльчиков!
115. А сёрдцё ли цярьское разгорелосе
А на свои на с́имяна на цярьский,
А на старшего на сына на Митрия,
Как на Митрия Иванóвица, —

- А тут ли ведь Малютка Скурлатовиць,
120. А ён повел ли на казнь да на смертную,
А отрубить ему буйную голову!»
А тут ли Микита Романовиць
А ён бежал на босú ногú без цёботов,
А ён без цёботов без черных,
125. А без цюло́циков он шелко́вых,
А садился— то на добра́ коня́,
А не на уздана садился, не на сёдлана,
А брал ли Микита востру́ саблю́,
А выезжал ли ён во цистó полё,
130. А как крициял им громким голосом:
— «А уж ты съешь кусá, собака, подавишьсе,
А ведь не съешь, кусá, собака, задавишьсе!»
А у ма́ла ли у Малютки у Скурлатова
А во плещú— то рука застояласе,
135. А с рук востра́ сабля́ повалиласе.
А наежжал ли Микита Романовиць,
А отрубил ли ён у Малюты буйну голову,
А ведь рубил ён вострой са́блею
А вси канатики шелко́выи.
140. А ведь не долго ли ён племянницька распутывал,
А ведь садил Микита племянницька на добра́ коня,

А вёз в свою в палату белокаменну.
А как на дру́гой на госпóдён день
А ведь пришли письма как скоропúсьцяты:
145. «А одивайте— ко вы платиця опальные!
А пришло цярю времяцько пецяльное, —
А как решил большого сына да Митрия,
А видь Митрия Ивановичя.»
А тут Микита Романовиць
150. А одевал ён платице, которого да цище нет,
А приходил Микита во божью́ церквú,
А становился рядом подлú царя Грозного.
А Грозный цярь Иван да Васильевиць,
А ён сподлобья да выглядывал,
155. А таковы́е рицы выговаривал:
— «А уж ты, старая собака, седатой пес,
А ты ли, собака, не знаешь ведь,
Аль надо мной ты насмехаешьсе?

- А я решил ведь старшóго сынá
160. А ведь Митрия Ивановичя,
А ведь твоёгó племянника,
А ведь на кáзень провел на смертную!»
А ведь сам стоит, слезами плаще горящими,
А не мог терпѣть Микита Романовиць.
165. А выходил — то Микита со божьей церкви,
А ведь крутил племянницька в платья цвѣтныи,
А проводил племянника во божью церквѹ.
А увидал ли Грозный Иван да Васильевиць,
А что стоит сын Митрий Ивановичь,
170. А ведь стоит во божьей церкви;
А тут ли как кидается,
А не за сына ли за родимого,
А он за шурина любимого, —
А ведь брал за руки белыи,
175. А целовал его уста во сахáрныи,
А вел в свою палату белокаменну:
— «А цем — то мóлодца будет жаловать?
А цем тебя будет чествовать?
А городам ли да с пригородками,
180. А или златом бўдѣт я, сѣребром?»
— «А ницего мни это не надобно,
А дай — ко мне Микитину да óтцину,
А чтобы ни было ни иску, ни óтыску!
(А кто набезобразит, попадет в Микитину вотчину, ему
ницего не будет.)